

СЕРГЕЙ ПРОКОФЬЕВ

ФУТБОЛ — спортивная игра. Футболист — человек, закаляющий себя этой игрой. Он отлит из стали, крепок и здоров. У него бодрый взгляд и ясная улыбка.

В ранний период творчества С. Прокофьева друзья наделили его кличкой «футболист», а композиции его называли «футболизмами». Тогда еще не отзывался нервический А. Скрябин, и такая кличка была принята иронией.

В 1913—1914 году А. Скрябин достиг высокой точки. Вскоре он умер, не осуществив полностью всех своих замыслов. Тогда возник целый ряд «поскрябишей». Они творили бесславно и бесследно исчезали. Продолжать Скрябина было невозможно — он сам изжил себя, а подражать — бессмысленно.

Вот в эти годы, когда изломанный Скрябин еще «владел», а Рахманинов культивировал в своем творчестве талантливый «салон», когда Метнер писал «приятные» сказки, а Стравинский после ряда пышных произведений вступил в полосу творческого застоя, — вот в эти годы родились первые большие полотна С. Прокофьева.

Молодой композитор показался чересчур здоровым, чересчур жизнелюбивым, бодрым и диким.

Это было не модно.

Он появился в те годы, когда девушки пили уксус, чтобы солгать, румянец со своих щек и казаться томными, а мужчины — завсегдатаи литературных и музыкальных салонов — были похожи на девушек.

С. Прокофьев возник неожиданно. Он сумел мастерски сочетать свой скифский темперамент и безудержность бунтара с ясной, классической формой, завещанной нам великими мастерами XVIII века — Себастьяном Бахом и Гайдном.

Никто не ожидал нападения с этой стороны. Потом эта наивная бесперемонность сильного человека, она многих напугала. А друзья полудушту, полудирижиски называли его «футболистом», повидному, резюмируя общее мнение.

В наше время эта кличка звучит гордо. Ясность мысли, здоровая тематика и бодрость стиля С. Прокофьева дают ему право войти в команду красных и принять участие в той игре, которую мы ведем с буржуазным миром.

Иные времена — иная оценка. По свидетельству немецкого писателя Амадея Теодора Гофмана, его отец — талантливый любитель-музыкант, живший в XVIII веке, — не любил Себастьяна Баха, считая его композитором крайне легкомысленным.

Такое суждение совершенно противоречит нашим представлениям о Себастьяне Бахе.

Правда, он ухитрился разрабатывать и в своих духовных композициях танцевальные ритмы того времени, но едва ли это делалось без ведома заказчиков.

Церковные методы завлечения клиентов с тех пор мало изменились. В современной Америке в церквях исполняются джазовые и фокстротные произведения.

Иные времена — иные требования. Может быть отец Амадея Гофмана назвал бы Баха футболистом, если бы знал это слово.

Кличка была бы уместна, так как Бах лишен изнеженности XVIII века так же, как С. Прокофьев лишен безхребетности и нервичности предреволюционной поры.

Уже в «Скифской сюите» заявляет о себе здоровый, сильный, новый человек. Этот человек еще поклоняется идолам, но в нем уже нет мистического страха перед ними, нет слепой веры.

На смену идолам должны прийти новые идеи и новые мироощущения. С. Прокофьев еще недосказал историю скифа.

Может быть, это он, одетый матросом, появляется в балете «Стальной скок»?

Может быть, покинув своих идолов, вознуженный идеями, он возникнет завтра в новой опере С. Прокофьева.

Мы играем в одной команде. С. Прокофьев сумеет принять мяч. Он созвучен нам и нашему времени.

Это сказывается и в четком, двухдольном, очень часто маршевом размере, которому С. Прокофьев почти никогда не изменяет, и в выборе темы для своих монументальных произведений.

Построив балет «Стальной скок» на советском материале, С. Прокофьев и в дальнейшем не намеревается отходить от советской тематики.

Он хочет описывать нашу жизнь, нашу страну. Только тогда он использует во всем объеме свою здоровую творческую фантазию.

Годы пребывания на Западе не обили С. Прокофьева с его позиции. Он не поддавался соблазну фокстротных ритмов. Он не выбирал таких сюжетов для своих опер и балетов, которые могли бы гарантировать ему верный успех европейской и американской публики.

И если он пользуется на Западе большой славой, то это скорее слава

непонятного, но шкочущего и экзотического композитора.

Яркой иллюстрацией того, за что буржуа нагрядают своих настоящих любимцев и что они требуют от оплачиваемых ими мастеров искусства, может служить судьба живущего в Америке С. Рахманинова.

Он знаменит давно. Он гениальный пианист, но всего лишь талантливый композитор. Американцы сделали его богатым, они балуют его подарками.

На его концерты трудно попасть. Билеты стоят очень дорого. Но зал всегда битком-набит.

Ему устраивают оvation, его встречают с помпой и независимо от программы концерта требуют исполнения двух его прелюдов, очень популярных и очень затасканных.

С. Рахманинов исполняет эти прелюды. Американцы бешено аплодируют ему. Потом многие покидают зал: они послушали любимые вещи, остальная часть программы их не интересует. Зал заметно пустеет.

Говорят, что, когда С. Рахманинов напивается, он плачет и мечтает о России. В трезвом виде он проклинает ее.

Жалкая судьба большого мастера, облаканного американскими дельцами.

На такую сделку С. Прокофьев никогда не шел. Его путь всегда был прямым и ясным, без отклонений и колебаний.

Футболист Прокофьев состоит в команде красных. В эту же команду скоро, наверно, вступит и Скиф, в «Стальном скоке» разбивший своих идолов — Чулбога и Велеса.

Ал. ГАЙМОВ